

An impressionistic painting of a landscape, featuring a white rectangular text box in the center. The painting uses thick, expressive brushstrokes in shades of blue, yellow, and brown, suggesting a scene with a large, textured rock formation on the left and a body of water or a field in the foreground. The overall mood is atmospheric and dynamic.

Ольга Мацкевич

Игры ветра

рассказы, миниатюры

Ольга Мацкевич

Игры ветра. Рассказы, миниатюры

«Издательские решения»

Мацкевич О.

Игры ветра. Рассказы, миниатюры / О. Мацкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834568-5

Под сердцем — змей, грызущий силы, Над сердцем — радость
и покой, А я — натянута струной И трепещу от ожидания: Ты, ветра ясное
дыхание, Сорвешь ли звук с меня? Какой?

ISBN 978-5-44-834568-5

© Мацкевич О.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
P.S.	8
СНЫ ГОРОДА В.	9
ЛОВЕЦ СНОВ	9
ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА	11
ДВОЙНИК	12
ПТИЦЫ	13
ОКНО НАПРОТИВ	14
КЛЮЧИ И ДВЕРИ	15
ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЯВИЛСЯ АНГЕЛ	16
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ	17
ТЕМНОЕ ВОИНСТВО	18
ПИСЬМО	21
БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ	22
РАЗГОВОР	24
ДАМА В ВУАЛИ	25
ДВА ДВОЙНИКА	26
ПРОИСШЕСТВИЕ НА МОСТУ	27
ПУТЕШЕСТВИЕ	28
ПРИЗРАКИ ХЕЛОУИННА	33
ЧЕЛОВЕК ИЗ МЕТРО	36
ГОСУДАРСТВО ДВОИХ	41
ВЕТЕР	41
ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ	42
ЕГО ИДЕЯ	43
ЗЛОЕ ЗАКЛИНАНИЕ	44
ТРИ НИЖНИХ СНА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игры ветра

Рассказы, миниатюры

Ольга Мацкевич

– Что ты ищешь в траве так долго?

– Свой след...

© Ольга Мацкевич, 2016

ISBN 978-5-4483-4568-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Наверное, все истории, так или иначе, начинаются с темноты. Вот и тебе наверняка сначала покажется, что ты совсем ничего не видишь, будто смотришь в темную воду. Но не спеши делать выводы, быть может, над этим миром просто повисла ночь. Беззвездная, мягкая и молчаливая ночь. Подойди ближе, возьми свечу и всмотрись, если хочешь... Видишь тени? Рассмотри их получше.

Ничего, если ты увидишь сразу множество теней. Вот мужчина и женщина, похожие друг на друга словно отражения, но они еще помнят свои имена и пока не знакомы друг с другом. Вот тихий печальный ангел, который, оставаясь невидимым, слушает каждое их слово. Вот король и королева, рыцари и принцессы, колдуны и ведьмы, грозные драконы и простые аптекари и книжники. А вот мальчик с белой птицей на плече. Вслушайся и ты услышишь как где-то там, далеко-далеко внизу, он скажет своей белой вороне:

– Смотри, Дуля, зажглись звезды! Какие же они необыкновенно яркие сегодня!

И Дуля встрепенется и, запрокинув голову, будет долго смотреть вверх, на то, как мерцают звезды, зажженные тобой.

Ну вот, ты уже – часть этой истории, а ведь тебе пришлось заглянуть в нее всего на пару секунд.

Видишь, как сияют глаза ведьмы, когда она смотрит в ночное небо, слышишь, как задумчиво царапает когтями пол пещеры дракон в лунном свете?

Может быть, стоит их так и оставить? Не знаю. Может быть да, а может быть нет, ведь тогда ни они, ни ты так никогда и не узнаете всей истории и того, какие встречи и открытия ждут их впереди.

Если тебе также как и им, интересно, окажи мне, пожалуйста, одну крошечную услугу. Я прошу тебя только набрать в легкие больше воздуха и подуть...

Да сильнее, сильнее! Пусть поднимется ветер!..

СОДЕРЖАНИЕ

СНЫ И ДНИ ГОРОДА В. (рассказы и миниатюры)
ГОСУДАРСТВО ДВОИХ (миниатюры о любви)
БАШНИ НА МЕРЕДИАНЕ (миниатюры, сказки)
ПОДСОЛНЕЧНОЕ ЦАРСТВО (миниатюры, сказки)

P.S.

*Связь между историями скрытая, хронологических рамок нет.
Можно начинать читать с любой из четырех частей*

СНЫ ГОРОДА В.

ЛОВЕЦ СНОВ

В городе В. видеть сны каждый день – самое обычное дело: слишком тонка граница, слишком дождлива погода, слишком тиха и задумчива глядящая каждую ночь на город Луна. Если бы вы оказались в этом городе, вы бы тоже каждую ночь видели сны, хотя вполне возможно, что вы уже там, ведь никогда нельзя быть уверенным, что то, что ты видишь вокруг себя – не очередной сон.

Порой сам не осознаешь, как происходит переход. Кажется, шел в магазин за хлебом, и все было как всегда, но вдруг ты уже во сне, а где эта невидимая граница, отделяющая от реальности, не можешь ни понять, ни вспомнить. Такие сны невесомы и похожи на дым, на утренний туман, который растает сам, как только солнце поднимется выше.

Но иногда сны другие, похожие на охотничьих собак, до смерти загоняющих дичь, они преследуют утром и не оставляют целый день.

Через сон можно вернуться в прошлое или уйти в будущее, но ты не обязательно увидишь их такими, какими они были и будут... скорее такими, какими хочешь или боишься их увидеть.

Иногда благодаря снам пришельцы из вчера или завтра посещают город. Не удивляйся, если однажды в неверном свете фонаря встретишь себя самого, только лет на 20 моложе или старше – здесь это в порядке вещей. Можешь даже остановить этого случайного прохожего и переброситься с ним парой фраз, пока он не растворится в непроницаемом тумане, из которого явился. И, однако, не ищи в том знака и не принимай на веру каждое такое явление. Быть может, ты всего лишь попал в чей-то сон или чье-то, возможно даже твое собственное, изображение решило сыграть с тобой очередную шутку.

Во всяком случае, с одним человеком, который живет в этом городе уже много лет, подобное случается постоянно.

– И все-таки это занимательно, – думал один человек (или это лишь снилось ему?), – если о чем-то и можно рассказывать серьезно и увлеченно, так это о снах. Сны снятся всем, и каждый их понимает, так почему бы не говорить о них пусть даже с первым встречным?

И, подумав так, один человек стал ловцом снов. Но только на время. Ведь теперь у него было что-то вроде пчелы под шапкой или меда за пазухой, а можно ли выносить это достаточно долго?

И все-таки он успел разглядеть кое-что за границами сна (а может и это был сон?). Он видел как невиданные звери Ночи стоят, склонив головы, и смотрят на него напряженно, как птицы Рассвета разрезают крыльями воздух, мистические сны клубятся над болотными топями, а волшебные проносятся бликами по стволам деревьев-великанов, по глади чистых прудов, полных соли...

Он видел: все обитатели мира – призраки. Они могли бы оказаться в любом месте, которое были бы в состоянии представить, если бы не страшный холод и темнота, которые лишают их силы и памяти. Иной раз им кажется, что какая-нибудь, найденная прямо на дороге, безделица и есть то, что они ищут, но радость всегда минутная они понимают, что обманулись, и будут обманываться снова и снова.

Он видел: в ночи есть звезды, а туман порождает видения, но все опутывают серебристые тонкие нити – огонь любви и тепло дружбы. Это они делают границы сна такими тонкими и проницаемыми.

А потом, похожий на бродягу, колдун захотел взять его на службу, чтобы приносить нежные и тонкие сны для своих близких и тяжелые и удушливые сны для врагов. И человек знал,

что это ему доступно. Ловец снов может даже передать через сон послание – взгляд, слово или мысль, а иной раз и материальный предмет, но ловцы никогда не исполняют меркантильных просьб, если только, конечно, колдуну не удастся их обмануть.

Но удался ли обман или нет, человек не понял – он проснулся (можно ли так говорить?) и увидел, что потерял что-то, что-то вроде пчелы под шапкой или меда за пазухой, что-то, что и делало его ловцом снов. Он почувствовал боль, но не заплакал, ведь он всегда знал, что это лишь на время (или нет?).

И вот в одном маленьком городе, когда уже было немного за полночь, то есть в самое грустное и волшебное время, один человек оделся и вышел на улицу, во влажную осеннюю ночь, немного пройтись и послушать ветер.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

На улицах города В. всегда дует ветер, всегда волнующе и тревожно. В свете фонаря листья исполняют пугающий танец: подпрыгивают невысоко и точно привязанные падают снова на землю – слишком тяжелые от воды, чтобы подняться, слишком подверженные ветру, чтобы остаться неподвижными.

– Совсем как я, – холодно подумал один человек.

Если бы на улице было больше фонарей, каждая из идущих за ним следом темных фигур подумала бы что-то другое, но фонарей было мало, и человек невидимым шел за человеком, и смотрел, как листья танцуют свой пугающий танец, и холодно думал – «совсем как я».

Только ветер видел их темный строй со стороны, плакал, злился и пытался все рассказать, но кто привык по-настоящему слушать ветер на самом исходе осени, когда и от собственных мыслей темно?

Вот и последний фонарь гаснет, листья остаются невидимыми где-то там, в темноте. Продолжают ли они свой танец?

ДВОЙНИК

У одного человека был двойник, который жил на границе. Время от времени человек получал от него письма, но никогда на них не отвечал.

В конце зимы двойник всегда писал так: «Дорогой, К.! Идут дожди, и межевой столб наполовину ушел в вязкую грязь, но скоро наступит весна и тогда на его верхушке птица совет гнездо». Весной он писал о том, как цветут сады, летом – о том, сколько яблок, осенью – опять о дождях и том, что зима, должно быть, наступит уже совсем скоро.

Снова и снова двойник писал обо всем этом, и иногда человеку становилось страшно – что если смена пор года, единственные изменения, происходящие и в его жизни тоже?

ПТИЦЫ

Спящему человеку снятся черные и белые птицы, которые как яйца высидивают человеческие сердца. Кто виноват в том, что его сердцу досталась черная птица? Чья заслуга в том, что о его сердце заботится белая? И какая птица укрывает крылом его собственное маленькое испуганное сердце?

Черные птицы кричат, точно целый лес вековых деревьев скрипит перед грозой. Белые птицы молчат, смотрят внимательно и осторожно.

Спящему человеку снится, что его сердце вот-вот станет очень горячим, расширится и заставит, наконец, треснуть сковывающую его скорлупу. Одежда сползает на пол, от волнения он ворочается с одного бока на другой, прикусывает губу во сне.

Стены спальни покрываются сетью трещин, через которые брезжит слабый утренний свет. Не страшно потерять привычное: комнату, тело и даже мысли – это не более чем скорлупа. Но страшно, так страшно и так волнительно увидеть над своей головой крыло. Черное или белое.

От утреннего сна не остается ничего кроме смутного воспоминания. Нужно бежать на работу, сегодня так много важных дел! На улице зябко и холодно. С голых ветвей деревьев с шумом срываются вороны. И что-то неясное вдруг защемит в груди человека, когда он остановится, чтобы посмотреть на них, кутаясь от холода в тонкое осеннее пальто.

И что-то внутри всколыхнется, когда два потрепанных белых голубя подойдут совсем близко к его ногам, так близко, что можно будет коснуться озябшими пальцами их жестких перьев.

ОКНО НАПРОТИВ

В американском кино, если главный герой законченный неудачник, напротив его квартиры всегда оказывается окно другой квартиры, в которой живет очень красивая, скромная и добрая девушка. По вечерам, под срывающееся на крики комментаторов бормотание бейсбола, с банкой пива и пакетиком чипсов (готовить-то неудачник совсем не умеет) герой наблюдает за ней, очаровывается, влюбляется, и жизнь его наполняется смыслом и теплом. Если повезет (а так почти всегда и случается), они встречаются и живут долго и счастливо.

Напротив квартиры одного человека тоже есть окно. Однако, и утром, и днем шторы в нем плотно задернуты. Грешным делом человек уже стал подозревать, что обитатель квартиры – вампир, не терпящий солнечного света.

Однажды, когда на душе у него было особенно плохо, и он, в рассеянности, по привычке глядел на стянутые вместе шторы, воплощавшие, казалось, всю невыносимую сторону его жизни, они вдруг двинулись, снова замерли и, наконец, нерешительно поползли в сторону. Человек, затаив дыхание, следовал глазами за открывающимся занавесом судьбы, сердце его будто бы опустили в холодный мед.

В темном проеме окна показалась гибкая серая тень, а следом за нею – вытянутая лысая голова. Похожий на черепаху старик, узловатыми руками не без усилия поднял на руки толстого дымчатого кота, бросил потухший взгляд на мокрую улицу и снова скрылся в своем нафталиновом мире.

Человек даже почти улыбнулся.

КЛЮЧИ И ДВЕРИ

Человек спит и ему снятся солнечные блики на поверхности воды, и электрические искры в пространстве, вокруг кого-то напротив. Он протягивает руку – видение с легким смехом отступает и ему кажется, что он снова маленький мальчик и играет с дверью в отцовскую комнату, в которую входить строго-настрого запрещено. В этот момент он как никто знает, что если бы дверь была изначально открыта, было бы совсем не так интересно. Гораздо интереснее добиться того, что бы открылась закрытая дверь, хоть за ней, возможно, и не больше того, что в комнатах с открытой. Человек делает шаг назад, и замок двери щелкает, она чуть приоткрывается. Это едва заметное движение вызывает волну восторга и желания. Он делает шаг вперед. Будто отражая его движение, дверь снова плотно примыкает к косяку, замок щелкает – она заперта. Игра, конец которой обещает удивительное наслаждение, чудесный приз, долгожданную разгадку!.. Человек – существо играющее.

Он просыпается, встает с постели и шарит босыми ногами в поисках тапок.

Утро еще раннее, совсем тихое, прозрачное. Слышно, как соседи за стеной дышат в такт. Слышно, как замирает после каждого удара его сердце.

Дворник метет мостовую, звук трущейся о булыжник метлы некрасивый, холодный и одинокий. Шторы в доме напротив как всегда плотно стянуты. Так и не найдя тапок человек босым идет на кухню, что бы заварить себе утренний чай. Спичка громко чиркает, и загорается синий огонь. Человек смотрит в него и вспоминает солнечные блики на поверхности воды, и электрические искры в пространстве, вокруг кого-то напротив. Чайник закипает быстро. Он наливает себе полную чашку и сыпет три ложки сахара. Соседи за стеной проснулись – человек слышит, как она освобождает его от объятий, как он говорит ей «доброе утро, родная», как сладко поют пружины их кровати. Он глотает свой чай, только в конце понимая, что тот соленый, как морские волны. Усмехаясь своей рассеянности, человек отправляется на работу.

Он думает о том, что для того, что бы войти в запретную комнату отца, или просто выйти из дома, нужно только договориться с дверью, показать ей свою силу, дать ей понять, кто здесь хозяин... мягко и уверенно повернув ключ толкнуть ее от себя.

Но, зная об этом, он никогда не делает этого по-настоящему. Закрывая входную дверь на ключ, он чувствует, что игра все еще продолжается, и так будет всегда. Оттого ли, что игра для него важнее приза? Оттого ли, что, зная почти все правила игры, он совсем не знает, что ему делать, когда она завершится, кроме как поставить свой приз на каминную полку и время от времени смахивать с него пыль?

ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЯВИЛСЯ АНГЕЛ

Одному человеку явился ангел.

– Ты кто? – спросил человек. Глаза у него горели от выпитого залпом портвейна и вечно подступающих к горлу слез.

– Я ангел и я пришел к тебе.

– Зачем? – по телу человека пробежала знакомая нервная дрожь. – Наверное, что бы спасти меня?

Рот его скривился, пальцы сами собой потянулись за сигаретой, но ангел только покачал головой.

– Нет, я не такой ангел. Я пришел, чтобы написать с тобой историю. Очень важную историю.

– И история конечно о том, как ангел спасает человека...

Он никак не мог подкурить, мямлил сигарету в руках, отчего горький табак просыпался на выцветшую рубашку. Ангел смотрел на него, склонив голову – он слышал, как в груди человека часто-часто бьется сердце.

– Нет. Эта история будет о том, как однажды один человек спас ангела, – улыбнулся ангел и зажег сигарету взглядом.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ

Глядя куда-то вперед, за горизонт, где рельсы соединяются друг с другом в одну точку, Человек думает «все это обман, параллельные никогда не пересекаются, нам просто не хватает остроты зрения, чтобы это увидеть». У него за плечами стоит Ангел, чувствует его злую радость и отчаянный темный восторг, и, склонив на плечо голову, непонимающе морщит лоб.

Весь день Человек полон своим чувством, и только вечером ангел подбрасывает ему статью о математике, доказавшем, что существуют пространства, в которых параллельные все же пересекутся.

Человек умолкает. Он внимательно читает статью, забывает о кипящем на плите чайнике, что-то чертит на поверхности стола руками...

В это время Ангел слушает его музыкальные записи.

Задумавшись, Человек смотрит перед собой и на секунду ему кажется, что в комнате есть кто-то еще. Но чайник свистит и захлебывается паром, а пластинка подходит к концу.

Теперь Ангел знает, что в их общей с Человеком реальности параллельные пересекаются лишь тогда, когда звучит музыка.

ТЕМНОЕ ВОИНСТВО

Бликов на стенах нельзя было видеть взглядом, но на минуту, всего на одну минуту в душное помещение скользнул луч солнца и каждый почувствовал – что-то изменилось. Не в пропахшем сигаретным дымом зале, но гораздо ближе. Что-то стало другим, незнакомым, страшным, исполненным красоты.

Спустя несколько минут один человек пил вино, а его скрипка лежала рядом прямо на барной стойке.

– Можете смеяться, – говорил он своему случайному собеседнику, скучаяще уставившемуся в полупустой стакан, – но не далее как позавчера я видел одного из них. Одного из этого темного воинства, которое искушает каждый день и заставляет делать то, чего ты на самом деле делать вовсе не хочешь. А как еще можно объяснить то помрачение сознания, которое всегда подстерегает вдруг, абсолютно неожиданно, когда идешь бриться или даже покупаешь цветы девушке?

Собеседник делает попытку уйти, но человек заказывает ему еще выпивки и тот остается на какое-то время, погруженный в свои мысли.

– Вот сейчас ты держишь в руках тысячу рублей, – продолжает один человек и щеки его пылают, – тысячу рублей, чтобы купить те чудесные алые розы, и вдруг ты уже в узкой темной трубе, в конце которой видишь только то, что тебе подсовывают и, поверьте мне, это далеко не розы! А ведь ничего не остается кроме как идти этой гадости навстречу, кроме как завладеть ею снова и тем самым открыть себе выход из злополучной трубы хотя бы на время.

Говорил ли он дальше вслух или все это лишь проносилось у него в голове?

Никакие доводы не работают. Ум может сколько угодно лепетать, что ты взрослый, здоровый, самостоятельный мужчина, который сам расставляет приоритеты в жизни и сам принимает решения, но – раз! – и выбора никакого у тебя уже нет. Ты шатаешься, пьяный, по мокрым улицам или долго стоишь один, прислонившись щекой к шершавому камню недружелюбного дома, и струи дождя стекают тебе за шиворот. И ты сам не понимаешь, как такое могло случиться, так ты сюда попал.

Становится чуточку легче, когда видишь, как она торопится к тебе на встречу, как перебегает улицу, как, входя в кафе, отряхивает зонт, одновременно развязывая шарф, но легче становится не надолго, потому что видишь, даже отвернувшись и уткнувшись лбом в стену, все равно видишь, как она садится за пустой столик, оглядывает зал и терпеливо безропотно ждет тебя, ждет несколько часов, в то время как ты здесь, на улице, мокрый, грязный и без цветов, стоишь, прижавшись к шершавому камню, и холодные струи дождя текут по твоей спине. Ведь ты этого не выбирал, ты просто сам не заметил, как так получилось, ведь ты в жизни не обидел бы это дорогое тебе существо, может быть последнее, которое тебя еще любит. Конечно это оно всему виной, это темное воинство, эти мыслящие (и хитро мыслящие!) существа!

Большой глоток обжег человеку горло, он закашлялся и с силой потер глаза, то ли пытаясь привести себя в чувство, то ли чтобы избавиться от стоящих перед глазами образов.

На репетиции в понедельник. Разве он хотел говорить друзьям все эти грубые глупые вещи, разве хотел вести себя как безумный, молотить кулаками в стены, бить чашки, разбрасывать вещи, будто они его злейшие враги? Напротив, он всегда с почтением относился к вещам, ведь их кто-то делал, кто-то вкладывал в них свою душу, свое умение, свой талант. Талант... он похож на варенье, на которое летят осы и мухи.

– Может быть, не будь его у меня, эти сущности оставили бы меня в покое? – но в голосе его не надежда, а лихорадка, и случайный собеседник качает головой и отодвигается еще немного дальше.

– Нет, – думает один человек, – стоит совсем немного расслабиться, и они уже тут как тут, уже грызут, уже набрасываются, как тараканы на оставшиеся после ужина крошки, как только выключишь свет. Свет нельзя выключать, никогда нельзя выключать свет!

Влажные синие сумерки обступают человека со всех сторон, будто желая успокоить начинающуюся лихорадку. Он касается руками темных деревьев, потому что они всегда понимают, всегда слушают, в отличие от тех, кто остался в маленьком душном баре за закрывшейся дверью.

Желтые реки электрического света льются по мокрому асфальту, человек закрывает глаза и шепчет прямо во влажную кору дерева.

– Они никогда не слушают, они только едят, едят и трепятыся, трепятыся и едят! Но они же все чувствуют, все понимают, они же просто не могут, потому что никто не позаботился о них, никто не оставил для них зажженную лампу в коридоре, никто не приоткрыл для них дверь. Их же тоже обманывают, их же тоже заманивают в эту трубу и там показывают только тарелки и вилки, мягкие диваны и жестокие новости.

Люди не виноваты, это все эти ненасытные темные существа, эта жадная орда, которая присосалась к каждому, вот к каждому глубоко-глубоко, так глубоко, что сердце выворачивается, когда пытаешься хотя бы представить насколько.

Темнота хлюпает под ногами мелкими лужами, человек идет по улице и жадно глотает открытым ртом воздух. Ему кажется, что он пьет саму темноту и отказаться от этого яда нельзя.

Можно ли нас еще разделить? Ведь они у каждого из глаз глядят, эти темные существа. Они хитры и коварны, но я хитрее, ведь я человек, и у меня есть скрипка, которая дает мне еще одну пару глаз, еще одно сердце, еще одну душу, чтобы разгадать их хитрый камуфляж, чтобы сломать их зловерные планы. И они знают это и потому летят на меня все.

Всего несколько часов назад они почти обманули, почти смутили меня. Она была так похожа на нее! Нет, не просто похожа, она была в точности как она. Я же не сумасшедший, я из миллиарда узнаю этот профиль, этот оттенок волос, эту манеру прикладывать руку к горлу, будто бы ей не хватает воздуха в душном зале, среди всех этих людей и их взглядов. Я играл соло, и в это время у нее зазвонил телефон, и она сняла трубку. Сняла трубку и стала говорить по телефону. Она не слушала! Боже, не знаю, как я не кинулся со сцены, чтобы придумать ее там же, за уставленным закусками столиком! Наверное, потому, что звучала музыка, и я должен был продолжать играть. Кто-то из музыкантов наступил мне на ногу, потому что скрипка визжала в моих руках, будто зверек, которого медленно давит гранитным прессом. И тут она повернулась и посмотрела мне в глаза. Фатальная ошибка! Можно подделать что угодно – жест, мимику, весь внешний облик, – но только не взгляд, только не взгляд! Это был двойник, двойник с ее лицом и с их темными глазами. Я понял, я разгадал. В эту же минуту они заставили двойника собрать вещи и уйти. Партия сыграна со счетом 1:0 в мою пользу.

– Но чего мне это стоило! Видите, как они хитры, видите, что они делают? – крикнул он спрятавшимся от дождя под козырьком дворовым собакам.

В подъезде пахло землей и котлетами, и этот запах напомнил человеку еще один вечер. В тот раз они хотели подобраться к нему через инструмент.

Скрипка была вялая, совсем не звучала, он ничего не мог из нее выжать, играл механически и в какой-то момент вдруг понял, что кто-то другой управляет его мыслями и действиями, а он сам только наблюдает за всем этим со стороны.

– Но она помогла мне, мой ангел, – шепнул он пожарной лестнице, – и скрипочка зазвучала, затрепетала, задыхалась снова, паучьи слюны исчезли и показались крылья бабочки, прекрасные разноцветные крылья.

Я не помню, что было потом, и как я вернулся домой. Это плохо, потому что постоянно нужно быть начеку, чтобы не допустить их новой атаки, но так трудно сохранять ясность сознания, когда у тебя жар. А у меня жар, я болен, я потерял слишком много сил, но здесь, в этой

комнате я в безопасности, здесь они до меня не доберутся, нужно только больше света. Моя последняя победа подорвала и их силы тоже, теперь они вынуждены будут, наконец, предоставить меня себе самому хотя бы на время.

– Но где же свет, почему так темно?

Она улыбается грустно, но берет его за руку, она зажигает свет.

Если есть темное воинство, должно быть и светлое. Если есть светлое воинство, в нем должна быть она.

– Ты и скрипка – вот мое белое воинство, – думает человек.

Она обнимает его, она шепчет «все хорошо, поспи». Она будет рядом всегда: он будет играть, она будет слушать – вот их неприступная белая крепость, которая выстоит против дикого натиска темного воинства.

ПИСЬМО

Ветерок вырывается из узкого медного носика и разлетается по комнате паром. Человек снимает с горячей плитки чайник, обжигаясь и вздыхая. В голове у него темно и холодно как в космосе.

Под руку привычно бубнит маленький телевизор. Благообразный седой еврей сообщает, что ежедневно в Иерусалим в департамент потерянных писем приходят тысячи посланий Господу Богу. Там их освобождают от конвертов, раскладывают по ячейкам, а затем отвозят к Стене Плача, где сжигают со специальной молитвой. Еврей говорит, что один предприниматель, бывший на грани разорения, после такого письма выиграл в лото приличную сумму, а одна семейная пара, которая никак не могла завести детей, теперь счастливо живет, имея полную семью. Загадочно шурясь, он приводит еще множество примеров людей, которые растерялись, оступились, запутались, устали, измучались и, наконец, обрели надежду.

Откуда-то из глубин подсознания, как из черной дыры выходят на поверхность и выстраиваются перед взглядом человека различные предметы. Их очертания неверны и стерты, и потому он никак не может вспомнить, что именно все их объединяет.

Пар от горячего чая поднимается вверх и щекочет нос. Человек чихает и сдавленно хихикает. От этого в голове как будто проясняется, и из холодной темноты к нему на встречу выступает изящный женский силуэт. Вместо лица маленькая белая звездочка.

То зажигается... то гаснет.

Никогда и ничего в своей жизни человек не желал так сильно, как вспомнить ее лицо. Передача сменяется рекламой, затем фильмом, последними вечерними новостями, анонсом на завтра. Чай совсем остыл. К сахарному печенью подбирается кошка.

Человек силится вспомнить женское лицо, всматриваясь в свое собственное отражение в черном стекле окна, но думает уже не о ней. Щемящая, волнующая жалось к себе самому наполняет все его существо. Жить, значит выбрать одно из двух: либо помнить, либо не помнить. Нельзя оставаться посередине. Чертова передача, ведь уже почти получилось забыть, ведь с самого утра почти получилось...

От этой мысли человек пугается, хватается за ручку и бумагу – пишет. Он просит у Бога еще одной встречи с ней. Еще хотя бы одной встречи... во сне.

В полночь человек отправляется спать.

Через раскрытое настежь окно вместо долгожданного сна ветер всю ночь шепчет ему о чем-то своем.

БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ

В тихий снежный вечер накануне Нового года один человек отправился на литературную встречу. Впервые в жизни он решился прочесть свои стихи кому-то еще. В одиночестве человек шел по белой от снега улочке в маленькую библиотеку. Снег уютно скрипел под ногами и мягко падал ему на плечи, будто подбадривая, будто говоря «не бойся, все будет хорошо».

В библиотеке горели огни и свечи, на маленьких круглых столиках стояли белые тарелочки с печеньем, в чашках дымился теплый пряный чай, пар от которого поднимался изящными колечками к самому потолку. Множество поэтов, которые тоже решили почитать стихи перед публикой, волновались и шуршали страницами. Все они казались похожими друг на друга, разве что один из них был другим. Он сидел в углу, не сняв темной шляпы, и в руках у него не было ничего.

Искося взглянув на него, человек занял свое место и погрузился в мир чужих строчек. И все эти строчки были волшебны, все они сплетались друг с другом как ветви деревьев. Человек видел, как в комнате между людьми рождаются связи. Незримые нити пульсировали вниманием, участием, пониманием и теплом... и ни одна из нитей не вела к нему.

Но вот подошла его очередь и, с замиранием сердца, он стал читать свое стихотворение. Голос его дрожал от волнения, но он был искренен, и каждое слово стиха звучало в его сердце так, как в тот день, когда он его написал. И люди слушали, и люди вежливо аплодировали ему, но когда он закончил, ни одна из волшебных нитей по-прежнему не вела к нему. Лишь человек в черной шляпе задумчиво смотрел в его сторону – он что-то чувствовал, но что нельзя было угадать – слишком широки были поля шляпы, тень скрывала его взгляд.

Другие поэты читали другие стихи, а человек наблюдал за публикой в зале.

– Боже, – думал он, – ты обнажаешься до костей, и все тебя слушают, но у каждого в голове лишь ворох собственных строчек.

Злость и обида на минуту захватили его, он хотел обвинять, протестовать и плакать, но под взглядом темного человека вдруг понял – он ведь и сам ничем не отличается от других, ведь у него в голове тоже лишь свои строчки.

Вечер был окончен, все поэтическое собрание вышло на улицу. Усыпанная белым снегом лесенка потемнела от множества разных следов.

Кто-то невидимый в темноте сказал:

– А сейчас в честь праздника мы все зажжем бенгальские огни! Подходите, смелее!

К человеку в черной широкополой шляпе одна за другой потянулись руки, и в каждой зажигался свергающий огонек. Горячие желтые искры заполнили дворик.

Лишь одному человеку не хватило бенгальского огня, но он не расстроился. В глубине души он знал, что именно так и будет. И продолжал наблюдать. В свете вспыхивающих огней то и дело он различал лица. Некоторые из них были похожи на животных, другие – на древние фрески.

Но все они смотрели в небо и высоко над головой поднимали бенгальские огни, будто пытались дотянуться ими до звезд.

Что-то защемило в груди человека, он повернулся и пошел в темноту. Лишь один раз он оглянулся назад и увидел толпу, стоящих плечом к плечу фигур, слабо освещенных бенгальскими огнями, и над ними, на вершине лестницы, мужчину в широкополой шляпе.

Медленно тот достал сигарету. Чиркнула спичка и в красном отсвете огня человек различил на лице поэта усталое, но довольное выражение, как после хорошо сделанной работы. Но вдруг курильщик замер на мгновение, заметив напротив маленькую, отделившуюся от других фигурку, застывшую на краю дороги. В направленном на себя взгляде человек впервые прочитал живое участие и... жалость. И все понял.

Догоревшая спичка обожгла поэту пальцы, тот дернул рукой и уронил ее в снег. Тень снова скрыла его черты. И это был знак.

Человек улыбнулся, пожал плечами, повернулся и пошел прочь. Темнота сразу обступила его, обняла как ребенка, и уже через минуту его одинокая фигурка слилась с ней, растаяла, будто его никогда и не было.

РАЗГОВОР

– Я потерял силу, – грустно сказал ангел, – того, что у меня есть только и хватает на то, чтобы дать прикурить.

– Это не так, – сказал человек и замолк, думая «это так, но что тут поделаешь?»

Ангел невесело улыбнулся, ведь ангелы слышат мысли куда лучше слов.

ДАМА В ВУАЛИ

Может быть, он видел ее однажды в театре, может быть читал о женщине в тонкой белой вуали с изящным бледным лицом и глазами, выражение которых кажется смутно знакомым, но не понятным, не объяснимым. Только в последние несколько месяцев не проходило ни ночи, чтобы она не снилась ему, ни дня, чтобы ему ни казалось, что она, невидимая, где-то совсем рядом. Не то чтобы она за ним наблюдала. Может быть, и наблюдала, конечно, но как-то холодно, отстраненно, хотя от этого не менее пристально. Будто он стоит в долине, а она – на холме и видно, что голова ее повернута в его сторону, но из-за большого расстояния, из-за закатного солнца, освещающего ее фигуру сзади, невозможно разобрать смотрит ли она на него или на деревья за его спиной, а может быть просто стоит, закрыв глаза, и слушает ветер.

– Если я от страха жмусь в угол, она делает два шага навстречу, если остаюсь на месте – один, если иду к ней – отступает. И тогда я бегу, запираюсь в спальне родителей, а она открывает балконную дверь и идет по коридору ко мне...

Коллега на работе рассказывает сон, но все замолкают, как только человек входит в комнату. А это о ней, он знает, он чувствует – о ней.

На обеде он выходит в кафе, чтобы выпить кофе. Молодая девушка в узких джинсах разговаривает по телефону, и он слышит обрывок истории:

– ... а она ему говорит: когда умерла твоя мать я положила тебе в постель флейту... почему ты никогда на ней не играла?

Он идет следом за девушкой в надежде услышать еще что-нибудь о даме из сна (ведь о ком еще она могла говорить?!). На улице мокрый снег – весь мир кажется скрытым вуалью. Из-за холодного ветра не разобрать чужих слов. Девушка скрывается в здании музея и он, не зная, что делать, входит за ней следом, долго бродит по тихим темным залам. Его не оставляет ощущение, что ему нужна лишь одна маленькая подсказка, лишь один знак, чтобы понять кто эта дама и какое значение в его жизни имеет ее взгляд из-под вуали.

Он входит в зал сюрреализма, и сердце его начинает биться сильнее. Картины проплывают перед глазами как пейзажи, которые видишь из вагона поезда, но он уже чувствует, он уже знает, что ответ там, на конечной станции, в глубине комнаты. Не глядя, он подходит к хорошо освещенной картине и медленно поднимает глаза.

Это «Влюбленные» Магритта. Мужчина и женщина, чьи лица скрыты тонкой тканью, сливаются в поцелуе. Кто-то подходит к нему сзади. Он чувствует легкий запах сладких духов. Это женщина с изящным бледным лицом и глазами, выражение которых кажется смутно знакомым. Человека бросает в холодный пот.

– Одна из моих любимых работ, – говорит женщина. – Многие искусствоведы полагают, что это иллюстрация старой идеи о том, что когда мы любим, мы слепы, но есть и такие, кто утверждает, что так художник представлял себе Смерть.

– Значит, я умру?

Женщина молчит, на губах ее играет мягкая улыбка.

– Значит... – голос его дрожит, в глазах – белый туман, отчего бледное лицо женщины кажется скрытым вуалью.

От возрастающей слабости, ноги его подкашиваются, и он падает вниз, падает вниз и чувствует, как его подхватывают мягкие нежные руки.

ДВА ДВОЙНИКА

В городе В. у каждого есть двойник, но у одного человека был не один, а целых два двойника: двойник, который шел всегда перед ним, и другой, который шел позади. Двойники никогда не встречались друг с другом, но оба были ворами, хотя первый брал только будущее, а второй – прошлое.

– Что же остается мне? – думал человек. – У меня нет ни будущего, ни прошлого... Я нищий!

Кто знает, о чем думали в этот момент двойники и думают ли они вовсе, но ангел, глядя на него, искренне изумлялся:

– У тебя нет ни прошлого, ни будущего, это подарок тебе, почему ты отвергаешь его?

Но человек не мог его услышать, не мог ничего ответить, потому что в голове у него как лес горела одна только мысль: «Я повсюду изгой, мне никогда не стать своим, все видят и помнят лишь двойников, а я остаюсь не узнан».

Двойники в прошлом пожимают друг другу руки, двойники в будущем пьют чай, говорят о политике и экономике, жалуются на погоду, а человек молчит, уронив голову на руки, и плечи его дрожат как будто от холода.

Ангел подходит ближе и гладит человека по голове.

– Я вижу тебя, – шепчет он ласково и нежно, – я вижу тебя здесь и сейчас.

Но человек не слышит. Он плачет. Он чувствует себя таким одиноким.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА МОСТУ

Первый раз он столкнулся с этим в музее. Пришел ранним утром в субботу, еще до открытия, до остальных посетителей, и сразу узнал его, это чувство.

Небольшие комнатки с побеленными стенами, из-под которых кое-где проглядывает кирпич, запах травы и соломы, необычные предметы на стенах и потолке, старые кресла. Странно, но он подумал о желтом доме в Арле, в котором Ван Гог и Гоген провели несколько месяцев вместе, полностью посвятив себя искусству. Я говорю «подумал», но это не было мыслью, а чем-то вроде воспоминания о бывшем, знакомом, родном, близком, как будто он и сам однажды поступал так же, хотя он не любил и не умел рисовать.

В другой раз он встретился с этим в подвале церкви, разглядывая церковную утварь конца XIX века, старые книги, потемневшие от времени иконы. Было холодно и безлюдно. Сначала он почувствовал и только потом увидел, это были частички церковного облачения из вскрытого захоронения. Кусочки были грязными и совершенно истлевшими, в них с трудом угадывалась красивая когда-то ткань с золотой вышивкой. Он подумал о том, что совсем недавно, каких-нибудь 100 лет назад, человек, носивший эту одежду, может быть вышел на улицу покурить. Он вдыхал холодный воздух и смотрел, как ветер бьет по спине весеннее небо темными, тонкими, лишенными листьев ветками черной ивы, оставляя на нем шрамы, сочащиеся молоком облаков. Потом священник поежился и пошел во флигель, и вязкая, размягшая от воды земля хлюпала у него под ногами.

Вдруг человек с полной ясностью ощутил, что это и сейчас происходит будто бы где-то параллельно, совсем рядом, но в то же время недостижимо. Его охватило щемящее чувство, похожее на жалость. Он не просто жалел эти истлевшие вещи или умершего, которому они принадлежали, или себя, ведь так легко переставить в уравнении переменные. Все дело было в этой тонкой, но непреодолимой границе, от которой веяло тоской, может быть по уходящему времени, может быть по чему-то большему, может быть по Богу.

С течением дней, он стал чувствовать эту границу постоянно, и взгляд его приобрел отстранённое и рассеянное выражение, будто бы он отныне жил в двух мирах. В то утро, когда я встретила его на мосту, было солнечно. Воздух казался прозрачнее, холоднее и чище весеннего льда, но ветра почти не было. Когда я вышла на мост, он уже перешел его наполовину, двигаясь рывками, будто с каждым шагом преодолевал сопротивление воздуха, какую-то невидимую границу. Когда я поравнялась с тем местом, где его впервые увидела, ему оставалось всего пара шагов до конца моста.

Он сделал шаг, и сердце мое неожиданно забилося быстрее.

Он сделал шаг, и воздух вокруг него задрожал.

Он сделал шаг, и исчез в одно мгновение, будто время раскрыло перед ним тайную дверь и увлекло его... куда?

Мне хочется верить, домой.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Человек подходит к своему месту и со странным каким-то смущением заглядывает в завиток плацкартного вагона. Все попутчики уже там: молодая девушка – синее платье, волосы схвачены лентой, в глазах искры; мужчина – бакенбарды, кроссворд и широкие руки; старик – ванильная борода, вязаная жилетка и шляпа в сеточку. Они раздвигаются в стороны и наблюдают за тем, как он неловко запикивает сумку под чужое сидение (у него верхняя полка), потом небрежно, но вежливо знакомятся.

Человек садится с краю и вместе со всеми смотрит в окно.

Во всем вагоне пассажиры уже собрались и все ждут отправления: кто-то нетерпеливо стучит ногой о скамейку, кто-то шуршит копченостями, объясняя, что просто не успел поесть утром, кто-то стучит в окно – «Пока! Пока! Счастливой дороги!», кто-то тоскливо вздыхает, кто-то пилит ногти...

«Провожающие, покидаем вагоны! Покидаем вагоны!».

Девушки на перроне смеются и делают знаки подруге. У каждой кольцо на пальце, а у нее – нет. Оттого ли она уезжает в большой город, что бы начать совсем другую, новую, лучшую, настоящую жизнь. Она смотрит на них из окна поезда, и глаза ее излучают огонь. Искры его, как ополоумевшие, летают по всему вагону, стучась в каждое уставшее, измученное, запутавшееся, одинокое сердце.

Сначала поезд резко дернулся, потом зашипел и, наконец, медленно тронулся в путь. Девушки пошли следом, улыбаясь и махая руками. Сидевший рядом с человеком старик прильнул к стеклу как мальчишка и все повторял – Смотрите! Смотрите!

Человеку вдруг показалось, что старик отчаянно хочет сообщить окружающим, что девочки улыбаются и машут им всем, также как много лет назад другие девочки улыбались и махали составу, уходящему на фронт. Он будто открыл скрытую дверцу, ведущую в дальние уголки своей памяти, и обнаружил там настоящее сокровище, что-то, чем всегда хотел поделиться, но не знал, как это сделать, потому что никогда бы не смог передать словами того, что все они чувствовали тогда в тот момент, в том душном и пыльном вагоне, стоящие рядом плечом к плечу и обернутые, как в саван, в запах полевых цветов и прощальной женской нежности.

Человек почувствовал, как это важно для старика и неловко улыбнулся, встретившись с ним взглядом.

А поезд все набирал ход и девочки уже бежали гурьбой, спотыкаясь, сбиваясь с шага и захлебываясь смехом, счастьем и страхом неизвестности, до тех пор, пока перрон не закончился. Их чувства были настолько неприкрыты, естественны и рельефны, что Человек почувствовал..., что ему пора пойти покурить.

И вот он идет по узкому коридору вагона и ему кажется, что лица всех попутчиков обращены к нему. Все они видятся ему очень знакомыми, будто не в первый раз уже едет он в этом вагоне, сквозь пространство и время, настолько уставший от тоски, вечного ожидания и нераскрытых мыслей, что становится подобным улитке, уютно свернувшейся в своей раковине, что бы переждать зиму. Так и он свернется в эту ночь на верхней полке завитка плацкартного вагона, что бы поезд качал его во сне, как мать качает ребенка в колыбели.

Пуская клубы дыма, Человек видит, как возвращается, отвечая на улыбки попутчиков, и все они забираются каждый в свою постель, как опускается темнота и все большое и тревожащее выползает наружу, подступает к самой поверхности глаз и выглядывает оттуда, словно старик, прильнувший к окну вагона, что бы увидеть свое прошлое. И если в эту странную минуту, не отвернуться к стенке, а замереть и прислушаться, в том, как свистит за стеклом ветер, как пролетают мимо окна, будто маленькие огненные звезды, окурки тех, кто также не может уснуть, в размеренном ритме стука железных колес, в бесчисленных оставляемых

позади деревьях, дорогах, садах, фонарях, городах, людях, машинах, собаках, лесах, холмах, реках... можно что-то нащупать, что-то услышать, что-то важное, от чего вдруг покажется, что вечность сходит на них всех и, соединив во сне их руки, делает сердце спокойным, легким и радостным.

* * *

– А знаете, что они мне напомнили?

Человек оборачивается и видит рядом с собой мужчину из своего купе. Широкие руки ловко скручивают сигарету, рыжие бакенбарды топорщатся, в глазах добродушная улыбка. Он похож на моряка Папайю из старого диснеевского мультика. Человек смотрит на него, безуспешно пытаясь вспомнить имя, и молчит.

– Знаете? Знаете, что они мне напомнили..?

Человек отрицательно мотает головой:

– Нет. Что?

Моряк широко улыбается и подвигается ближе, предлагая ему сигарету.

* * *

Это было примерно в 70-е. Они шли за партией сахара-сырца, но сухогруз напоролся на один из незаметных рифов Тихоокеанского кольца, и им пришлось несколько месяцев проторчать на о-ве Минданао. В первую неделю они даже думали, что попали в какое-то проклятое место, до того страшными были окружавшие их филиппинцы – все какие-то перекошенные да покореженные... ужас!

Оказалось, что их корабль просто остановился в специальном квартале, где селились исключительно представители касты неприкасаемых.

– У этих неприкасаемых, представляешь, даже если ребенок рождается нормальным, ему специально крутят руки и ноги, или челюсть выворачивают, что бы видно было из какой он касты! И вот эти уродцы за нами по городу прямо толпами ходили! Не знаю, что им было нужно, но нам, что уж говорить, это не очень-то нравилось...

Человек качает головой и закуривает. Солнце за окном бежит по самой кромке леса. Моряк Папайя продолжает свою историю о том, как они, насмотревшись на этих неприкасаемых, через неделю пошли к мэру и попросили какого-нибудь занятия, что бы совсем не сойти сума. А надо сказать, что в том районе часто прятались нелегальные эмигранты, собиравшиеся тихонько улизнуть, сплавившись на какое-нибудь судно. Так они стали дружинниками и помощниками эмиграционной службы Филиппин. В их задачу входило проверять документы у всех, кто попадал под подозрение, как нелегальный эмигрант.

Однажды им повезло напасть на след трех нелегалов. Нелегалы оказались подругами и очень красивыми девушками. Они говорили по-русски и, конечно же, паспорта у них были, просто они зашили их в наволочку, которая хранилась под подкладкой серого драпового пальто, которое они везли дяде на 68-летие и которое у них украл бритоголовый бомж с наглой улыбкой и золотым зубом на одной из вынужденных остановок где-то между северным полушарием и южным. Самое смешное, что все это было правдой!

Когда сухогруз починили, а его трюмы наполнили отборным сахаром-сырцом, они преступили закон Филиппин и закон моря, взяв на борт сразу трех женщин. Филиппинцы, видимо что-то заподозрив, стали обыскивать судно. Тогда моряки взяли под свою опеку каждый по девушке, что бы спрятать их в своей каюте.

– Милица была такая миниатюрная, что запросто поместилась в старой картонной коробке с фруктами. Обыскивать мою радиорубку слишком тщательно не позволил капитан (не положено по уставу), хотя филиппинцы все же топтались там достаточно долго, зыркая по углам как коршуны, но так и ушли ни с чем, – говорит моряк и на его губах играет довольная улыбка. – И вот я снимаю листья банана, смотрю на нее, такая она маленькая, беззащитная,

хрупкая, свернулась в клубочек среди персиков и мандаринок... Вернулись домой и сыграли сразу три свадьбы, представляешь, сразу три!

Когда после этого они в первый раз уплывали на полгода, три девушки вот также точно бежали, улыбались и махали им вслед. Это так важно, что бы, когда ты надолго оставляешь землю, кто-то провожал тебя с такой улыбкой и такой, глубоко запрятанной, что бы не тревожить твое сердце, грустью в глазах...

Когда он в море, она варит суп и думает о нем и какой бы суп она ни варила, он всегда пахнет морем. Те, кто пробует его, говорят, что никогда не ели ничего подобного.

Когда он стоит на палубе и всматривается в линию горизонта, он чувствует, как корабль плывет по волнам мягко и уверенно, как его растопыренные гребнем пальцы по ее золотым волосам...

* * *

Человек возвращается в свое купе, когда все уже спят. Не спит только старик – сидит с двумя стаканами холодного чая в руках. Видно, что он ждал его все это время. Человек ужасно устал, ему хочется только лечь в постель и погрузиться в сон. Это просто, нужно только не смотреть в глаза, быстро, не сбавляя шага подойти к полке и подтянувшись на руках устроиться на самом верху, завернуться в одеяло и деловито отвернуться к стенке. Но вместо этого, он почему-то садится на краешек чужой постели, игнорируя сонное ворчание моряка-папайи, и ему становится неловко. Старик улыбается.

* * *

Василию Модестовичу хочется рассказать свою историю о том, как они уезжали на фронт и девушки бросали им в руки цветы и улыбались, и махали руками, а одна девушка, с черными глазами и тугими косами, улыбалась только ему. Он не знал кто она и откуда, но она снилась ему много раз, и когда он переправлялся в тыл, пристегнувшись ремнями к грохочущему днищу поезда, и когда лежал с ранением в госпитале, и все эти годы после. Он чувствует, что не сможет рассказать об этом и вместо своей истории должен рассказать что-то более значительное. И он рассказывает историю своей жены.

* * *

В 1942 году Альбина была приговорена к расстрелу. Вместе с другими девушками, голодными и грязными, она провела последнюю, как она думала, ночь своей жизни в подвале СД. Там было так холодно, что все они молились только об одном – что бы расстрел начался как можно скорее. Утром по свежему снегу их привели в назначенное место и выстроили в шеренгу спиной к яме. Никто не кричал и не плакал, пока немцы заряжали ружья, а потом методично расстреливали одного за другим. Но ей повезло. Пожалуй, ее бабка была права, когда говорила, что она родилась под счастливой звездой. Молодому капитану армии Люфтваффе понравилась красивая и строгая русская девушка, и он сохранил ей жизнь, убедив командование, что она пригодится на вверенном его семье заводе по сборке снарядов и бомб.

Так Альбина стала счетоводом. Всю войну она считала бомбы, возможно, убившие ее отца, братьев, ухлестывавшего за ней косоного гармониста, каждого второго мужчину ее деревни и еще тысячи и миллионы людей, оставшихся по ту сторону противостояния. Она считала быстро и хорошо. Не потому, что хотела помогать немцам, не потому, что боялась за свою жизнь и даже не потому, что молодой и статный капитан смотрел на нее в такие минуты с неподдельным обожанием. Просто она умела считать быстро и хорошо, и не в ее правилах было делать что-то не в полную силу.

А когда война закончилась, она провела самый счастливый месяц своей жизни в его загородном доме, купаясь в реке и нося только кружевное белье. Потом она узнала, что ее деревня не погибла и уехала на родину. Он же никак не препятствовал ей. Из покосившейся, съеденной временем избушки Альбина писала ему грязные письма, пахнувшие презрением и прахом

этих четырех военных лет. Она вышла замуж за русского патриота и никогда больше не видела немецкой крысы.

– Два года назад, когда она была уже в бреду и умирала, она все время шептала его имя, как заведенная... Ей казалось, что он вот-вот войдет в комнату, сядет на краешек ее постели и проведет рукой по волосам. Может быть, она думала, что он спасет ее и в этот раз... кто знает.

* * *

Человек лежит на своей верхней полке и от шатаний вагона бьется согнутыми коленками в стену. Он, наконец, один и может отпустить выражение лица, потому что ночь укрыла собой его пылающие щеки, и никто уже не сможет прочесть в темноте его взгляд. Теперь Человек может уснуть. Ему снится военный оркестр на берегу моря. Литавры звенят, пенные брызги разбиваются о прибрежные камни, гудят трубы, где-то в морских пучинах отзываются киты. Он стоит на берегу и ветер треплет полы его пальто.

– Марк! Марк! – она бежит к нему навстречу, и белый песок разъезжается под босыми ногами, скатывается с холма и несет ее, как пенная волна несла Афродиту на берег человеческий.

Что-то внутри сжимается, Человек улыбается и ничего не может произнести, кроме ее имени. В стеклах его очков отражается луч, и солнечные зайчики играют на ее лице. Она подошла так близко. Ему хочется обнять ее холодные тонкие плечи, что бы согреть, но он не двигается с места, с ним так всегда, даже во сне. Она проводит пальчиком по его губам и хмурится. Она смотрит ему в глаза с трогательной детской внимательностью. Рука Человека дрожит, когда он слышит, как она произносит «Я хочу, что бы соль на наших губах была лишь от морских волн».

* * *

Человек открывает глаза. Они на какой-то станции. Темно – должно быть часа два ночи. Изогнувшись, он видит на перроне толпу мужчин и женщин с темными лицами. В руках у них плюшевые игрушки. Они смотрят на выходящих из вагона людей с тревожащей что-то внутри надеждой.

- Купите слоненка...
- Купите медвежонка...
- А вот котик, беленький...
- Посмотрите, какой песик...

Старик, кажется, тоже сошел на этой станции. Его постель так и осталась лежать в пакете не распечатанной.

– Где ты?.. Где ты?.. – девушка хмурится во сне и шевелит губами, ресницы ее дрожат, а щеки блестят в лунном свете.

Она лежит прямо перед ним, на соседней полке, совсем маленькая еще девочка, с растрепанными по узкой подушке волосами. Сердце Человека стучит громко. Он перегибается через проход и мягко шепчет:

– Я здесь... рядом... совсем близко. Ты пока не знаешь моего имени, но уже чувствуешь, как я приближаюсь к тебе. Мой ночной поезд идет на твою станцию. Будет день, когда, открыв глаза, ты услышишь как он, грохоча и нетерпеливо пуская клубы дыма, перейдет мост через последнюю реку и войдет в тот лес, за которым стоит твой дом. Он остановится, когда наступит утро или утро наступит, когда он остановится, и я сойду на перрон. Ты будешь ждать меня, стоя в самом центре каменной плиты, будто только что прыгала в классики с детьми, которые теперь выглядывают из-за угла... Видишь? Это я. Ты ждала меня и вот я здесь.

Она улыбается и протягивает во сне руку к нему навстречу. Вместо того, что бы взять ее, Человек соскальзывает со своей полки и выходит на перрон. Он покупает маленького плюшевого котенка и кладет его рядом с ней. Девочка обнимает игрушку во сне.

* * *

Утро в вагоне суетливое и бледное. Глухо хлопает дверь тамбура, пахнет едой и улетающими в окно снами. Моряк Папайя ловко и деловито разделявает курицу, нарезает толстыми ломтями хлеб, рассказывая девушке, как однажды они с другом 4 дня шли в какой-то отдаленный порт в районе Байкала и в местном ресторане им подали только стакан чая и ломоть хлеба, потому что больше ничего не было. Он стучит вареным яйцом о свою голову и подает его девочке с широкой сияющей улыбкой. Девочка хихикает и бросает быстрый взгляд на возвращающегося из тамбура Человека. На ее коленях, свернувшись белым клубочком, лежит котенок.

* * *

На одной из последних станций в вагон входят двое. Ему – 86 лет, а ей – 82. Она выглядит усталой, истерзанной и взволнованной. Вязаный платок сбился, обнажая острые плечи. Он слеп – она ведет его под руку, аккуратно усаживая на скамью, у него сломано бедро и правая нога короче левой, отчего каждое, даже самое маленькое движение, причиняет смертельную боль – она подкладывает ему мягкую вышитую крестиком подушечку под поясницу и поддерживает его. Он стонет от боли. Она помогает ему уверенно и мягко.

Она говорит, что никогда не любила его, просто он всегда был красавец, спортсмен и летчик. Первые три месяца их знакомства она видела лишь его форму и даже не помнила имени. Она вышла за него замуж, потому что все говорили, что он был перспективным, и это действительно оказалось так. Вместе они прожили прекрасную жизнь.

Она улыбается и целует его в щеку. Он плачет и называет ее «мой ангел».

ПРИЗРАКИ ХЕЛОУИННА

Мне было неловко в своем костюме зомби – обсыпанный землей пиджак жал в плечах и ощутимо стеснял движения, лохмотья истлевшей кожи и большая отвратительная трупная личинка на щеке, которой особенно гордилась Анечка, постоянно отклеивались, каждая клеточка кожи задыхалась под толстым слоем краски.

Но зато мы ничем не выделялись на фоне окружающих нас ведьм, вампиров, мертвецов и другой праздничной нечисти. Даже наоборот, все смотрели на нас с явным одобрением, как на своих.

– Нужно было одеться призраком, – в который раз заключила я.

– Ну и ходила бы как дура с огромной простыней на голове! – разозлилась Анечка. – Перестань ныть, ты выглядишь шикарно!

Ей легко говорить, на ней костюм мертвой невесты: белые кружева, изящные каблочки, настоящий театральный грим, а не какая-то мучная пудра с гуашью, внимательный жених в смокинге рядом, а у меня обсыпанный землей пиджак и гигантская уродливая личинка, закрывающая пол лица. Хотя, оно может и к лучшему...

В ожидании момента, когда откроются двери клуба, чтобы хоть как-то занять себя, я гладела на публику. Казалось, все эти люди целый год только и думали, что о костюмах на Хэллоуин: так шли они им, такими необычными и притягательными они в них выглядели. Вот вампир в чудесном двустороннем плаще, сверкая алой подкладкой, вышел из подворотни – худой, высокий, с впалыми глазами, – жутко красивый. Там под фонарем – веселая ватага чертиков со светящимися красными рожками на головах. В стороне нервно курит медсестра-убийца, а за ней – страшная маска смерти с тускло блестящими глазами. Зомби нигде не видно, зато есть еще несколько мертвых парочек. В прошлом году хитом были медсестры, в этом, очевидно – мертвые невесты. Все течет, все изменяется...

Я не сразу увидела, скорее, почувствовала их присутствие – в воздухе как будто стало более морозно, лунный свет показался острее, темнота гуще, тени длиннее. На них не было костюмов, но никто не смотрел, никто не удивлялся, казалось, никто вообще их не видел, только, может быть, я одна. Они были бледными и строгими, в простой темной одежде, молодой человек нес за плечами футляр с инструментом, девушка – маленькую сумку в руках. Они прошли совсем близко от меня, опустив глаза и держась за руки, и я поняла – призраки, настоящие призраки в костюмах людей. Мы рядились под них, а они – под нас, какая жуткая ирония!

Подошла наша очередь, и мы вошли внутрь клуба. С порога в нос ударил запах алкоголя, жар разгоряченных в танце тел (грохот музыки мы услышали еще на улице), крики и топот отплясывающих ног. Так шумно, так весело, и все кругом свои, все кругом лучшие друзья! Все это захватило и увлекло нас глубже, туда, где продают напитки, где почти незнакомые люди хлопают тебя по плечу и шумно целуют воздух у твоей щеки, а потом говорят с тобой доверительно, как с самым близким, как с единственным, способным понять, говорят о том, как они устали от бесконечного притворства окружающих, о том, что давно переросли этот маленький город, о том, что могли бы, о том, чего достойны, о новых платьях, домах, машинах, говорят, пока не выскажут своего монолога до конца, чтобы, наконец, выпить залпом запотевшую стопку и снова броситься в море разноцветных, извивающихся в танце масок.

Я и сама бы с удовольствием отдалась этому общему потоку, если бы могла выбросить из головы тех двоих, если бы смогла перестать думать о двух тихих взявшихся за руки призраках, растворившихся в густой темноте. Где они сейчас? О чем говорят на опустевших молчаливых улицах ночного города? А, может быть, все также бредут куда-то, взявшись за руки?

Я вышла на улицу, сославшись на духоту. Всего два шага от фонарей и горячих мерцающих окон и оказываешься в замешательстве. Там, в клубе, расписанные кровавыми пентак-

лями стены, фигурки повешенных, горящие свечами резные тыквенные рожи были такими понятными, такими простыми, такими привычными, а здесь стены домов, лестницы, двери, колонны, балконы – будто все не отсюда, словно бы из другого мира, из того мира, откуда приходят настоящие призраки, настоящие черты, вампиры и оборотни, из Того самого мира. Я поежилась. Вдруг среди всех этих «обычных» вещей я почувствовала себя чужаком, нестерпимо захотелось снова вернуться в клуб, где все было понятнее и проще, а главное безопаснее.

Уже повернув назад, я услышала музыку, и остановилась как вкопанная. Конечно, это была не та музыка, которая приглушенно доносилась из клуба, а совсем другая – где-то далеко играли на скрипке. Во рту у меня пересохло. Стало по-настоящему страшно. Я не хотела искать их, но уже знала – буду идти за этими звуками, как жертва идет на голос вампира, как бабочка летит на огонь, буду идти пока не встречу двух призраков, пока не заговорю с ними против своей воли, пока не раскрою их тайны.

Я нашла их под мостом, высокие изогнутые опоры которого напоминали своды древней церкви. В лунном свете их тонкие фигуры были особенно хорошо различимы. Мужчина играл на скрипке, играл точно колдун, творящий заклинание, то резко вскидывая руку со смычком, то неся ее над струнами медленно, плавно, едва их касаясь. Девушка стояла рядом. Они смотрели друг на друга не отрываясь. Казалось, именно там, в ее глазах, он находит всю музыку. А что это была за музыка! Ни до ни после того вечера я не слышала ничего подобного.

Если вы любите скрипку и, может быть, даже считаете себя знатоком, – уверяю вас, и в этом случае вы вряд ли когда-либо слышали такую музыку раньше. Она не была гармоничной (той самой, которую так любят вставлять в свои фильмы режиссеры в те моменты, когда нужно выжать у зрителя слезу), но и дисгармоничной не была тоже. Это вообще не было музыкой в привычном нам смысле слова. Скрипка извивалась в его руках, плакала как ребенок и рычала как волк, она то звенела, как звенят оледеневшие телефонные провода, когда по ним несутся полуночные разговоры, то шуршала как тысячи гонимых ветром листьев, как страницы старых фолиантов, как ворох непрочитанных писем, она шептала как шепчут заговорщицы в темном зале, слегка потрескивая, точно их коптящие факелы, шумела как затерявшаяся в море радиоволна, смешавшаяся с волной настоящей, проникала внутрь как звезды и ветер, если смотреть на них слишком долго, взмывала вверх и сотней стрел врезалась в опоры моста, а потом разлеталась огненными искрами и неслась еще долго над самой водой, смеялась и угрожала, молила и испытывала, призывала и отталкивала... Какой беспомощной я себя чувствую! Мне никогда, никогда не описать услышанного словами...

Я видела, как все повинуется этим звукам, как остановилась река, как застыли деревья, как следом за звуками летят над водой сонмы прозрачных как воздух духов, несутся куда-то туда, в сторону клуба, который я покинула, казалось, целую вечность назад... Вот он, настоящий Хэллоуин, – подумалось мне.

Я не сразу поняла, что он закончил играть, пока не поймала себя на мысли, что оба они, и мужчина и девушка, повернули ко мне свои бледные лица и смотрят на меня, будто ожидая чего-то.

Я сглотнула и услышала, как незнакомый мне осипший голос произнес «Вы отлично играете». Неужели здесь был кто-то еще кроме меня? Нет, это мой собственный голос, вдруг поняла я с легким удивлением.

– Спасибо, – ответил мужчина. Они продолжали все так же смотреть мне в лицо. Я машинально коснулась трупной личинки на щеке, кожа под краской нестерпимо горела.

– Что вы заканчивали? – снова, будто из-под толщи воды, услышала я свой голос и опять удивилась: что за глупые вопросы он задает.

– Музыка никогда не заканчивается. Никогда не начинается и никогда не заканчивается, – ответил мужчина. Его спутница кивнула и подала ему футляр, куда он бережно сложил инструмент.

Я, кажется, еще спросила, как их зовут. Они назвали какие-то странные, древние княжеские имена, а потом мужчина вежливо кивнул в знак прощания и пошел к дальней опоре моста, чтобы забраться вверх по склону, к тускло освещенной фонарями дороге, и девушка пошла следом за ним. Она дважды обернулась уходя.

Лицо горело. От этого должно быть потекла краска, потому что защипало в глазах. Я спустилась к воде, которая, казалось, еще хранила отражения пролетающих над ней духов, и умыла лицо. Стало немного легче. Накладная личинка окончательно оторвалась. Я долго смотрела, как она тонет в черной воде.

Не знаю, зачем я после этого пошла к клубу. С другой стороны, куда еще мне было идти?

На углу курила пара скелетов и несколько рогатых демонов с завитыми в пружину хвостами. Глядя на них, я почувствовала себя призраком в костюме человека. Я опустила глаза и молча прошла мимо – никто меня не заметил. Снова хотелось выйти на берег с другой стороны, чтобы плакать, смеяться, кричать и петь – что-то внутри жгло нестерпимо, что-то внутри так жгло.

Но кто-то схватил меня за руку. Это была Аня.

– Что с тобой? Ты где лазила? – глаза у нее были большие, блестящие. – Тут такое было, – кричит, захлебываясь от обжигающего холода ночи – выключили свет, все сума посходили... и мне, знаешь, в одну минуту стало как-то... Эй, ты меня слушаешь?

– Да.

Аня... какая холодная у нее рука, будто и правда у мертвой.

– Пошли внутрь, – тормозит она меня, – здесь жуткий холод!

Жених с пулей в голове подкрался к ней сзади и сгреб в охапку. Весело хохоча и легонько отбиваясь от него, она крикнула – присоединяйся! – и исчезла в темной, дышащей дымом и жаром пасти клуба.

– Эй, ты!

Это высокий худой вампир. На его губах размазанная красная помада, будто он и правда напился чьей-то горячей крови.

– Зомби! Иди сюда.

Смотрю на его тонкий прямой нос, на красиво изогнутые губы.

– Иди сюда! Обещаю, не съем... сразу, – смеется.

А, может быть, и правда всего этого не было? Чего только не надумает себе усталый и одинокий человек в такой день, как Хеллоуинн!? Вот и жжение в груди уже не так нестерпимо. На улице холодно. Схваченные морозом листья хрустят под ногами как скелеты неизвестных маленьких животных. Вампир сверлит глазами, ждет, и губы у него красные, горячие от крови.

Стоит ли думать о двоих молчаливых призраках, маскирующихся под людей? Может быть, все это игра воображения? Может быть, это обычные люди, у которых просто не было времени подумать над костюмом, может быть ночь, луна, вода и похожие на своды древнего храма опоры моста сделали звук скрипки таким необыкновенным, может быть, он вовсе не был необыкновенным – разве я когда-нибудь разбиралась в музыке?

Губы вампира совсем близко, они такие горячие. Стоит ли думать о тех двоих, растаявших в ночи, о тех двоих, которые просто не умеют веселиться.

ЧЕЛОВЕК ИЗ МЕТРО

Когда слишком устаешь что бы читать в метро закрываешь глаза и невольно вспоминаешь все свои грозы с самого детства, и думается: вот бы этот страшный гул ударил в голову, как Вулкан своим чудесным молотом богу Зевсу, и родилось бы тогда что-то важное и нужное, как родилась из головы громовержца Афина Паллада. Все ждешь... ждешь... и ничего не происходит. Темнота за закрытыми веками, темнота за горящими неверным светом окнами вагона поезда... И каждый день возвращаясь с работы я позволяю ей обнять меня и укачать словно беспомощного младенца.

Я устала, внутри меня зреет беспокойство и чувство вины, и потому я закрываю глаза, как должно быть закрывал их Иона, угодив во чрево кита, и снова и снова вижу свою историю, выступающей мне навстречу. Наверное, все истории так или иначе начинаются с темноты.

Должно быть я засыпаю, потому что мне кажется, будто она складывается во мне сама собой где-то между Нагорной и Чертановской, и я стараюсь запомнить каждое слово, каждое вызываемое им движение, что бы затем записать, сохранить это неожиданно родившееся ощущение важности и еще чего-то невыразимого. Но нужно еще доехать до своей станции, преодолеть эскалаторы и коридоры, пройти не зажмурившись и не сбавляя шагов мимо пахнущего лекарствами дедушки в растянутых трениках, мимо пивной компании, мимо рыдающей злой собаки на плакате с надписью «заведи друга», что бы тенью скользнуть по темным улицам и, выйдя из гробоподобного лифта, оказаться на людной, освещенной кухне и, давясь утренней кашей, заботливо разогретой для тебя кем-то, говорить о своих проблемах, слушать о проблемах других, улыбаться или качать головой, узнать, что масло подорожало, что розы стоили 600 рублей, что все они козлы, а потом смотреть «Дом-2» и еще что-нибудь «интересное», долго-долго стоять под душем, надеясь, что ежевечерние разговоры в темноте по телефону с любимыми будут окончены, и только после этого ощупью пробраться в комнату, залезть на верхнюю полку, укрыться с головой одеялом и остаться, наконец, наедине со своей историей... Но уж нет никакой истории, все расплескалось, исчезло, осталась лишь темнота и дразнящее желание уснуть, уронив голову на чье-то плечо...

* * *

Стараясь рассказывать так, как следует, я должна была бы начать с 12-го вечернего часа 21 августа 2009 года, когда я встретила своего человека из метро. Погружаясь в тот вечер, я снова слышу привычный вой темноты, усыпляющий как теплый вечерний чай, и в полусне-полуяви смешиваются в мыслях черные-черные волны, жуткие и плотные, как долина тени смертной, бесчисленные ночи за экраном компьютера, похожие на мерцающую в свете Луны со дна темного фонтана медную монетку, и вечерний коридор третьего этажа университета, конца которого никогда не могла увидеть, но всегда чувствовала если любимый учитель стоял где-то там, скрытый темнотой всех не горящих ламп, и, заложив руки за спину, рассматривал фотографии лучших выпускников... Во сне голова моя клонится в сторону и опускается на мужское плечо. Едва касаясь чьи-то руки откидывают с моего лица волосы, и знакомый голос шепчет... и снова я просыпаюсь в странной тревоге, оглядываюсь по сторонам, будто кто-то из спящих пассажиров мог услышать, прочесть мои мысли и посмеяться. Пассажиры молчат, и в каждом молчащем сосредоточенном лице, в каждом случайном взгляде, я нахожу человека, имени которого не знаю, оскорбленного и разочарованного, измучившего и наказавшего чувством вины. Но нет, это тоже лишь одна из не случившихся историй, на самом деле вагон пуст и я не знаю на какой я станции, ослепленные сном глаза покалывает от света, спутанные волосы лезут в лицо...

– Уснула? Сейчас Трубная, конечная.

Не сразу понимаю, что это действительно конечная, что поезд дальше не идет и нужно двигаться, но человек, улыбаясь открыто и просто, пропускает меня вперед, и мы идем рядом через весь зал, будто старые знакомые. Он говорит что-то о балете, о каких-то передачах, работах, ремонтах, о тысячах трудностей, подстерегающих в неверной, коварной, похожей на лотерею Москве... Эскалатор едет медленно-медленно, будто падают листья в безветренный октябрьский день, и голос у идущего рядом такой же мягкий и ровный, и кажется будто гул и скрежет метро затаились и смотрят из-за угла не мигая: что это за люди без имени идут бок о бок, о чем говорит он ей, отчего она улыбается? И зачем они, пройдя короткий путь вместе, расходятся, садясь в разные вагоны, позволяя усталым бледным машинистам, слепо глядящим вперед и только вперед, тронуть машину и увеличить расстояние между ними?

* * *

Парк за домом усыпан желтыми листьями, и спелые желуди хрустят под ногами, а в моем телефоне есть новый номер, номер человека из метро. Я бы хотела рассказать о том, как важно, что в телефоне появляется новый номер в те дни, когда ты чувствуешь свое одиночество растянутым на километры всех веток метро, растворенным в воздухе, отражающемся в осеннем небе, во взглядах прохожих на улицах... Но я не хочу говорить о себе, ведь я начала эту историю, что бы рассказать о другом человеке, о встрече, о диалоге...

Как же грустно, что я не могу этого сделать – слова распадаются сами собой, и вот уже диалог становится ди-а-логом. «Ди» – двойное, «А» – отрицание... и выходит, что диалог – лишь двойная не логичность и только. Оттого ли, что он вдвойне субъективен? Мы лишь думаем, что понимаем другого, тогда как на самом деле никакого понимания нет, и государство двоих, о котором говорят писатели, держится не на любви, а на иллюзии того, что другой мыслит и чувствует также как ты.

Значит ли это, что всякий диалог, всякая встреча, заведомо не имеют смысла? И стоит ли протягивать руку, если не сумеешь коснуться?

Мне становится страшно и стыдно, когда я осмеливаюсь думать об этом. Его прощальные слова «ты не бойся, я ничего не потребую, мне просто казалось мы могли бы что-то доброе сделать друг другу» волнуют и раскрывают внутри что-то незащищенное, важное и в то же время рождают цепь подозрений, за которые ругаешь себя, но которые никак не истребишь. Они как головы Лернейской гидры – на месте отрубленной всегда вырастает две. И если сомнение еще можно усмирить, как сделал это Геракл, то с преследующим день за днем вопросом совладать гораздо труднее. И снова и снова я спрашиваю себя: не прикрываю ли я словами о невозможности свое неумение и нежелание понимать? И не хочу дать ответа.

Поэтому и сегодня, как в те дни, когда я ждала его первого звонка, я пишу коротенькие записки о ветерке, о том, как носит он серую пыль, кружась вслепую в маленьких двориках, как бегают наперегонки с дворовыми собаками, как укрывает туманом пожелтевшую тонкую траву... Из северного города друг пишет, что думает об этой осени и о том как же мне в ней, и я испытываю трепет, будто подошла к разгадке, и сама становлюсь как ветерок, лечу легко, радостно, быстро, будто обнимая все, что способна увидеть и ничего не касаясь.

Он позвонил через неделю, а я уже ждала, я уже была свободна на этот вечер, и ветерок, поселившийся на моем балконе вместе с сизыми голубями, дышал театром, игриво смеялся моим неловким приготовлениям, обещал открытие.

Согласиться было легко и трудно одновременно. Целый день я думала о том, с каким чувством он станет застегивать пуговицы своей белой рубашки...

* * *

Много лет назад, в любимом маленьком городе В., я сидела в темном зале театра вжавшись в кресло последнего ряда ложи, и лицо мое то бледнело то загоралось, и все внутри вздрагивало и замирало от красоты и трагической силы истории, музыки, танца... Никогда больше я не видела такой «Ромео и Джульетты» как в тот вечер, открывший мне три имени смертных

людей, соединившихся, словно три чудесные нити в руке Судьбы, что бы рассказать одну бес- смертную историю. Шекспир-Прокофьев-Панфилов... Будто родилась во мне тогда вся нерас- траченная нежность. Откуда он мог знать об этом?

Весь вечер был отражением испытанной тогда, в детстве, нежности. Ее вызывало все: фотографии в холле, чудесные артисты на сцене, сидящие вокруг люди, но больше всего он, угадавший тот далекий и важный мне день, такой внимательный и неуверенный, будто все это у него, как и у меня, в первый раз... Могла ли я не обещать, что мы увидимся снова?

* * *

Когда мы увиделись во второй раз я чувствовала себя преступницей и совсем не потому что опоздала на 30 минут. Однажды один человек спросил у меня что важнее служить или принадлежать? Но как ответить, когда и то и другое важно, если только служба – не служба, а служение, если принадлежность – не рабская зависимость, не положение вещи, а свободное и сознательное вверение себя другому, если все по любви? Важнее не желать и не ожидать что бы тебе служили или принадлежали, но разве это возможно... Вот и я, будто Клеопатра, требующая жизни за единственную ночь с нею и не получающая с первыми лучами рассвета ничего кроме опустошенности, хотя искала совсем другого. Именно поэтому мы встретились во второй раз, и я испытала тайную, стыдную радость от того, что он уже ждет меня, улыбается, сжимая в руках красные розы. Я люблю маки, васильки и фиалки, но мужчины всегда почему- то выбирают в таких случаях красные розы.

Придя домой я оставила цветы на подоконнике и весь вечер старалась не смотреть в их сторону, объясняя себе, что они слишком остро напоминают того безымянного мужчину с потерянным грустным взглядом, который первым в моей жизни подарил мне маленькую крас- ную розочку на одной из улиц Симферополя 16 лет назад... Но в этом ли дело?

Я знала, что он подарит мне розы. Это я сделала что бы это было так. Но и он...

Его ожидания оплетают мои руки как цепи и пугаясь этой зависимости я позволяю своим глазам видеть дурное, сомневаюсь и не могу понять чего больше в моем сомнении – неуверен- ности в нем (недоверия) или неуверенности в себе (неверия)? Разве можно ради меня что-то подобное делать? Разве можно что-то подобное делать просто так?

И, будто пытаюсь распутать этот клубок, я назначаю новую встречу, еще и еще одну... Я убеждаю себя что пытаюсь взглянуть в него, тогда как на самом деле ищу лишь своего переживания, хорошего или плохого, хоть какого-то отблеска подлинности.

Но разве не верно то, что когда специально ищут переживания, находят лишь пустоту? Если бы я могла меньше говорить и вместо этого отдаться действию – глубокому, жизнен- ному... Переживание рождается из поступков, из связей между людьми.

Но есть ли связи, не рассыплются ли они, не разлетятся ли как туман от легкого дыхания ветра? Проходят дни, я смотрю на цветы по осеннему роняющие лепестки и переполняюсь нежностью, соединяя в себе половинки прошлого и настоящего, и не могу отказаться от оче- редного свидания – быть может он еще что-нибудь угадает давно забытое и бесконечно милое? Как это грустно, как не правильно...

* * *

Мы едем в машине по проселочной дороге уже совсем рядом от дома, задумчивые и тихие, все пропитанные глубокими синими сумерками. Внезапно перед нами падает два светящихся объекта. С короткой вспышкой они врезаются в холм и дымясь застывают на его пологой вершине. Мы останавливаем машину что бы посмотреть с чем столкнулись. Немного впереди проступают неловкие прямоугольные очертания двух предметов. В невероятных мета- морфозах первый из них становится гигантским глазом. Он смотрит на меня, и я подхожу ближе. Сначала кажется, что это лишь любопытство, обоюдное желание заглянуть в другого, но чем ближе я подхожу, тем сильнее во мне страх. И вот я уже совсем не хочу заглядывать, ни в коем случае не стану заглядывать, пытаюсь сопротивляться, бежать... Но отказаться уже

невозможно, и я смотрю в огромный, похожий на темное озеро зрачок. Он так велик, что единственное, что я могу разглядеть в нем – мое собственное отражение: бледное лицо на фоне хилых деревьев, испуганное лицо без глаз, за которым поднимается...

И в этот момент я теряю способность видеть, только слышу как разворачивается за моей спиной гигантское ухо Ветер становится сильнее. Это оно слушает, – проносится у меня в голове. Ухо с такой силой втягивает в себя все окружающие звуки, что мои собственные уши лишает слуха. Мой страх суверен и беспомощен. Я стою всего в нескольких шагах от дома, слепая, глухая, совершенно одна, с часто бьющимся сердцем. Я чувствую, что должна сказать или сделать что-то, что решит для меня все, и момент пока я, замерев, пытаюсь угадать что же именно, длится невообразимо долго...

И даже когда я просыпаюсь, подменяя один сон другим, это чувство не оставляет меня. От него моя история одевается новыми красками, я становлюсь многословна, будто умру, если вдруг перестану вздохнуть описывать то, что было и то, чего не было. Я примеряю то один, то другой голос и теряюсь: какой же выбрать, что бы все рассказать, что бы вышло красиво, проникновенно, по-настоящему... слово за словом, предложение за предложением, с миру по нитке – вот тебе и одежда. Но мне никак не подобрать себе платья – все стесняет движения, путается, не дает ступить шаг. Наверное, где-то должен быть человек, который один знает мои мерки, а я – его. Жаль, что мы не помним имен друг друга...

Я не знаю что делать и потому пишу о рыцарях и принцессах, описываю лоскутное одеяло полей, разворачивающееся до самого горизонта, все старые пыльные комнаты замка, взгляд принцессы и выражение лица ведьмы с зелеными волосами, все пролетающие мимо дни и каждого посетившего замок рыцаря..., будто пытаюсь отсрочить решающий момент понимания, и так каждый день.

А на работе все одно и то же – пакет за пакетом, ящик за ящиком, полка за полкой... маркировщик пишит в руке как прожорливый кукушонок, и снова пакет за пакетом и ящик за ящиком... в минутную передышку я вижу принцессу Нору танцующей среди пыльных стеллажей старой библиотеки, берущей то одну то другую книгу, и на каждой случайной странице находящей подтверждение своему проклятию.

Полка за полкой, ряд за рядом и так целый день и так год за годом, и нет ни сил ни возможностей искать спасительных духовных перегрузок, есть только пакеты, которые нужно разложить по ящикам, а все остальное – потом, потом когда-нибудь, может быть, когда все устроится, потом...

Мне не хватает слов, будто нечто навалилось плечом на какую-то дверь и не дает им войти, и в то же время я понимаю, что единственный сторожевой пес у этой двери – я сама.

Моя соседка Оля считает, что говорить так – ребячество. У нее есть план на несколько лет жизни, мы шепчемся ночами, и я смотрю на ее белеющее в сумерках лицо со своей верхней полки стараясь не расплакаться беспомощными слезами ребенка, услышавшего страшную сказку.

* * *

Я пытаюсь закрыться, спрятаться, не давать ложной надежды, но он снова и снова звонит, пишет, и я не могу устоять перед искушением соединить еще какие-нибудь половинки, еще что-то открыть для себя, еще что-то почувствовать. Его сообщения становятся самостоятельными историями, живыми, волнующими, и я прошу его писать, ведь для меня это так важно. И он написал рассказ обо мне и для меня, сразу будто преодолев несколько лестничных пролетов вглубь моей натуры, к самой сердцевине.

– Кем ты хочешь стать когда вырастешь, девочка?

– Музой. Хочу стать музой.

Но и его история, также как и моя, кажется скучной, незавершенной и неполной, умолчавшей о самом главном, а значит не достигшей цели, тоже бывшей только ребячеством, только

игрой, которую усмотрела в его взгляде моя подруга, приглашенная на одну из наших с ним встреч.

И даже если все так, если отказав ему в праве хозяина одной ночи я увижу его затылок, какое право я имею чувствовать себя обманутой?

Я продолжаю писать, все еще надеясь, что история может получиться, и снова и снова примеряю ей то одной то другое платье, а он пишет мне сообщения: «Двое на пляже понравились друг другу, а когда оделись – уже нет». Сначала меня захлестывает волной восторга, ведь ему снова удалось угадать меня, и только потом – горькое осознание: он прав, бесконечно прав и нужно писать иначе, но я ведь никогда не напишу так, как следовало бы, как постарался написать он, будто бы однажды два одиноких человека встретились в метро. Я перечитываю написанные страницы о заколдованной принцессе, обреченной ведьмой с зелеными волосами дни и ночи бродить бесчисленными коридорами холодного замка, полного теней и страхов, о странниках, приходящих к ней по умыслу или по странной случайности, чтобы обогреть, обогреться, остаться рядом навечно и... покинуть замок еще до рассвета, до появления красок, до музыки, до первых распутившихся в старом саду орхидей... о том, как ветер гудит сквозь оконные щели, как на бледных щеках принцессы появляется изморозь, как скрипят лестницы и полы в боковых коридорах замка, будто ветки дуба перед грозой, словно невидимая расторопная прислуга перебегает из комнаты в комнату, волоча за собой ковры и подушки, столовое серебро, подсвечники, хрустальные графины, сладко рубиновые от налитого в них вина...

Словно. Будто. Как рассказывать истории без этих слов, как не запутаться в описаниях того как постарел и съезжился замок, превратившись в серию маленьких комнат полных пыли, дырявых котлов и ветоши, как осторожно на цыпочках выходит принцесса из ванной, стараясь ступать лишь на белые плитки пола и оставляя на них замысловатый узор маленьких мокрых следов, как ночные сны подхватывают налету мысли и летят... летят, не зная пространства и времени, что бы где-то в прошлом шептать Одиссею, смотрящему в Зеркало Вод, смертельное ласковое «...обернись... обернись...» Он прав, я непременно запутаюсь и позабуду о самом главном, о том, с чего начиналась история, о том, ради чего она начиналась, о двух одиноких людях, однажды все же встретившихся в метро.

* * *

Он давно уже ничего не угадывает, мы бесцельно бродим по улицам, пока моросит дождь, а когда он заканчивается – заходим в какое-нибудь маленькое кафе что бы перекусить. Он вспоминает тот день, когда мы ходили в театр, и смеется над своей глупой белой рубашкой, он считает, что мои любимые цветы – красные розы, он выбросил блокнот со своим рассказом и когда я молчу, он всегда говорит о работе. Он попросил вернуть потраченные на меня деньги, потому что настали трудные времена, и они действительно настали. Но я приношу ему деньги, и снова и снова соглашаюсь на встречу, то ли по привычке, то ли отдавая старые долги, то ли от того, что хотелось бы думать, что все это имело какое-то значение, что все-таки можно как-то приблизиться, посмотреть в чужого тебе человека так, что бы хоть на мгновение увидеть в его зрачках что-то кроме своего собственного отражения.

Но может быть Оля права, и все лишь ребячество, а я – застрявший в пубертатном периоде несчастный подросток... Кто в юности не писал стихов?

Тогда, сколько бы людей в метро я не встречала, я никогда никого не пойму, потому что никогда не увижу, и каждая встреча будет отражением того момента, когда мы с ним, расставшись посреди станции, сели в разные вагоны и разъехались в противоположные стороны...

ГОСУДАРСТВО ДВОИХ

ВЕТЕР

Сначала были лишь он и я. Вернее была я, и был он. Если бы не та гроза, если бы не тот ужасный ветер, никогда не возникло бы «мы», никогда бы два человека не оказались на одном острове.

В самый разгар бури, в самый острый момент приступа страха, неожиданно мы оба услышали так явно, будто эти слова сказал нам ангел в самое ухо, – «Не волнуйся, с рассветом всё закончится», и успокоились, и смогли увидеть друг друга, и смогли выжить. И утром было действительно так.

Когда взошло солнце, у нас уже был наш остров, окруженный со всех сторон океаном и дом, построенный на воздушных сваях. Я знаю, что это звучит невероятно, но это так.

Из того, что было до бури и этого странного пробуждения я не помню почти ничего, кроме теплых слов ангела, которого может быть, и не было на самом деле и взгляда, ставшего ключом к государству двоих.

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ

Когда я сижу на крыше нашего дома, построенного на воздушных сваях, ветер часто путается в натянутых поперек стробах, оставляя знакомый запах среди мокрого белья. Ожидая этой минуты, я тут же хватаю его и проглатываю. Как ком сахарной ваты он тает у меня во рту и, проходя сложнейшие алхимические трансмутации в моем организме, становится его закономерной частью. Почти все мое тело состоит из кирпичиков, которые когда-то были его запахом, его цветом, его звуком, его дыханием. Когда-нибудь мне это надоест и что-то еще во мне восстанет против этого незаметного и вероломного захвата чужих территорий, но пока он дарит мне зеркальные цветы, я готова мириться со всякими неудобствами.

ЕГО ИДЕЯ

Однажды ему в голову пришла удивительная идея. Целый день он провел как в монастыре на хлебе и воде, сосредоточенно строя и выпиливая странную конструкцию на самой крыше. Он был похож на прожигателя жизни, внезапно осознавшего близость Страшного суда. Работая, он целый день напевал третий акт из оперы Рубинштейна «Демон». Он как будто боялся не успеть, потому не переставая щедро осыпал опилками маленький дворик, вместе с соседской кошкой Ньюрой. В результате этих героических усилий появилось нечто, напоминающее по форме неудавшийся домик для птиц, но значительно более внушительное по сути – почтовый ящик Бога.

- Что это еще за ерунда? – спрашиваю я.
- Это не ерунда, это первое, что мы сделали на благо всех живых существ.
- Но почему «мы», это ведь ты сделал этот недоделанный скворечник?..
- Ты – муза, – улыбается он.

ЗЛОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

За день до того, как маг из соседней деревни, ради сохранения баланса, насылает на него морок, острые сомнения и тяжелый сон, я чувствую, как на меня стотонным камнем наваливается беспричинная тоска, и нет сил выпрямить спину. Я больше не ощущаю его рук, даже когда он рядом, и мне становится одиноко и страшно. Я хожу по нашему саду одна, будто по лабиринту, и не узнаю поворотов знакомых дорожек, шершавости и теплоты досок южной скамейки и даже пения птиц. Он смотрит на меня из окна своей комнаты и не замечает, как колдовство прокрадывается в его сердце.

Утром следующего дня он сидит потерянный и молчаливый. Парк растворяется в тумане и, всматриваясь в его лицо, я прошу его:

– Скажи, что происходит в твоём сердце, и я пойму, что происходит в моём.

Едва перебирая бледными губами, он говорит:

– Я плыву в лодке, которая наполняется водой, и никак не могу обнаружить пробоину, пытаюсь вычерпать воду, и пока мне удастся делать это достаточно быстро, что бы лодка не пошла на дно. Все хорошо, я еще на плаву.

Я чувствую, как в его голове мечется мысль: «что если однажды я устану, что если однажды я захочу спать, что если однажды пробоина расширится, и борта лодки затрепчат и сомнутся под напором воды?».

В эту минуту я начинаю чувствовать, как тоска отпускает меня, и в каждом движении поселяется легкость. Я становлюсь невесома и обретаю способность войти в его сон.

– Если однажды ты устанешь, я стану вычерпывать воду и грести вместо тебя, если однажды пробоина расширится, мы сможем увидеть ее и залатать, если однажды лодка затрептит и сомнется под напором воды, мы оба окажемся за бортом и, возможно, нам будет страшно, но не будет одиноко.

Мы сидим в одной лодке друг напротив друга. Кругом так много ложного света – протянешь руку, а он исчезает. Неужели мы уклонились от курса? Неужели потеряли способность вглядываться в горизонт и видеть? Была ли эта способность? Куда теперь плыть? В какой огонь верить и верить ли вовсе в огонь?

А над нами веет ветер. Мы сочиняем себе паруса и наполняем их дыханием радости. Морок, острые сомнения и тяжелый сон отступают, как тени, разбегающиеся по углам утром... Мы снова видим берег.

К вечеру глухой туман покидает наш сад, и мы выходим из дома, что бы, держась за руки, пройти по знакомым изгибам песчаных дорожек, посидеть на теплой южной скамейке и послушать вечернее пение птиц.

ТРИ НИЖНИХ СНА

Когда над нашим домом, построенным на воздушных сваях, висит темнота, такая плотная, что в нее можно завернуться как в бархат, мне всегда снится один страшный сон: будто бы я кладу голову ему на колени, и он перебирает своими тонкими пальцами мои волосы и что-то шепчет. Звук его мягкого голоса успокаивает и качает как в колыбели, до тех пор, пока я так облечена в нежность, что не могу разобрать слов. Вдруг что-то горячее и влажное касается моей шеи у самого основания, как яд, влитый в ухо отцу Гамлета рукой брата. Мне кажется, что он, касаясь моей головы, чувствует под волосами страшную метку, и сердце его разрывается.

Меня опускает в нижний сон, в котором человек, бывший невероятным образом и магом, и королем, сказал мне «изыди», и в еще более нижний, в котором другой человек, живущий среди страниц своих книг и бесед с Небом, назвал меня «карикатурой». Я сплю, и темнота вокруг меня сгущается, опускается и накрывает собой весь дом. Сверчок в каминных часах поет о том, что «пространство между звездами – это время без любви», о том, что «люди – это межзвездные мосты», о том, что «голос – это бросок друг к другу»... Сквозь сон я прошу его «не молчи», иначе, как вода уходит в сухую землю, все это тоже уйдет вниз и станет моим третьим нижним сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.